

Григорьев не доверяет самолетам

Ян Смирницкий

Сегодня мюзикл «НОРД-ОСТ» в 100-й раз откроет занавес. Зал по-прежнему забит до отказа. Билеты выкуплены на много дней вперед. Рекламный трюк спектакля: Санька Григорьев сажает на льдину (на сцену) подбитый бомбардировщик (крылья от кулисы до кулисы, лопасти винтов останавливаются над оркестровой ямой). Актер Андрей Богданов, исполнитель роли Григорьева, за все 100 показов провел в воздухе около 6 часов. Свой личный рекорд он отмечает вместе с корреспондентом газеты «Россия».

-Если сюжет «Двух капитанов» свести до уровня бытовой истории, окажется, что капитан Татаринов героически уходит на борьбу со льдами, а жена в его отсутствие кончает с собой, дочка Катя вырастает несчастным ребенком, ломая жизнь и Саньке Григорьеву, и Ромашову, отказывая в обви обоим. Если мужчина – герой, может, не стоит обзаводиться семьей?

– Однажды, уже на поклонах, я оступился и буквально спиной стал падать во льды – в шахту под сценой. Катя успела меня схватить и вытащить. Это было очень страшно. Но есть работа, которую надо выполнять. И любая жена должна понимать это. А семью должен иметь каждый человек. Каждый. Иначе – для чего жить? Когда у меня родилась девочка, я понял, что для чего-то живу. Смысл жизни – дети. Дети без семьи – это горе. Я из дома ушел давно. И самостоятельный был изначально, потому что у нас в семье была одна мать, безотцовщина. Она получала 110 рублей в месяц, и надо было жить на эти деньги втроем – маме, мне и старшей сестре. Потом я уехал в Тверь. Жил один, без семьи. Лет двенадцать пожил студентом, в общежитиях. А капитан Татаринов был настоящим мужиком. И жена его ждала. Вообще-то это загадка. Сейчас это считается несовременным. Вот у меня есть тетя. Муж ее уходит в плавание на ледоколе «Ленин», она его ждет. Первый вопрос, который у меня возник к ней: как это возможно, когда любимого человека по полгода нет дома? Но она ждет его, полгода занимается с детьми. Они верят друг другу.

– В спектакле вы неоднократно попрываетесь ударить предателя Ромашова по физиономии, один раз у вас все-таки получается. Можно ли быть человека по лицу?

– Да. Я прошел через армию, а это школа такая, что... Убеждения не всегда действуют в разговоре, есть люди,

которые специально игнорируют твои слова и понимают только физическое воздействие. Дурака воспитает кулак. В «НОРД-ОСТе» я совершенно не перевоспитываю Ромашова, только раз по юношеской горячности бью ему морду, потом Ромашов перестает для меня существовать, ведь это существование – не сказать мусор – бросило меня в трудную минуту. Сложнее всего для себя оправдать смерть любимого человека: помните, в сцене «Крах» Санька узнает, что Катя погибла в блокадном Ленинграде? Я представляю себе это. У меня уже пожилая мама, и я... Тяжело.

– Вы встречаете по жизни людей, про которых вы бы себе сказали: вот – сильная личность?

– Боюсь, что сильные личности сейчас в криминале. Иной раз придишь в гости к знакомому, встретишь там действительно сильного человека, но кто он? Оказывается, что у него профессия – что-то вроде дворника.

– Нет конкретного мужского дела?

– Нет. Все ушли в тень. Взять родной Торопец. Прекрасный был городок в мою юность: 28 церквей, масса заводов – деревообрабатывающий, завод металлопластмасс, обувная фабрика, сырзавод, ликероводочный... Сейчас остались только одна действующая церковь и один ликероводочный завод, с помощью которого спивается все городское население. Жизнь утоняет.

– В судьбу вы, конечно, не верите?

– Почему? Судьба – это судьба. Вот здесь у глаза – маленький шрамчик, видите? Это – четвертый класс школы, шел я от зубного очень радостный и веселый, что мне вытащили зуб. Поднимался в школу, а у нас металлом были обиты ступеньки, и на какой-то из них торчал маленький штырек. Я споткнулся и наделся на него. Встаю. Кровь течет. Мне зашивали. А чуть-чуть бы в сторону – попало бы в глаз или в висок. Вот она судьба. Здесь от меня ничего

Андрей Богданов

зависит. Хотя я люблю полностью контролировать свои поступки. Я даже на самолете никогда не летал, хотя в «НОРД-ОСТе» сажаю на сцену бомбардировщик. И не хочу летать. Не потому, что страшно или там – умру... Зачем мне это надо, когда можно спокойно доехать на поезде? Из него при аварии хотя бы выпрыгнешь.

СПРАВКА

Андрей Богданов родился 23 декабря 1970 года в белорусском городе Глуске Могилевской области. Однако родиной своей считает город Торопец под Тверью, куда семья переехала сразу же после его рождения. Там прошло все детство. Потом поступил в тверское музыкальное училище по классу фортепиано. Отучился 2 года, бросил. После армии поступил туда же на вокальное отделение. Однажды в Тверь приехал тогда еще совсем молодой театр «Геликон-опера». Андрей после спектакля подошел к Дмитрию Бертману (организатору театра) с просьбой послушаться. Бертман послушал и направил на учебу ГИТИС на курс музыкального театра. Параллельно учебе Андрей был занят в театре «Экспромт». После окончания института играл в театре п/р Чихачева (среди прочих – роль Педро Зуриты в «Человеке-амфибии»). По зову земляка Алексея Россошанского, с которым вместе учились в Твери, пришел на прослушивание в комиссию «НОРД-ОСТ» с надеждой на роль подлеца Ромашова. Распевшись на сцене, Андрей исполнил иудовскую арию Ромашки «Это не я, хотя, казалось бы, и не за что его любить». Но на кануне раскололся зуб, и Андрей не вытянул образ «злого предателя». Нордостовцы испытывали дефицит в Саньке – так Андрей получил именно эту роль. Россошанский же стал Валькой Жуковым. Но Андрей не теряет надежды спектаклей через сто все-таки сыграть Ромашова. Считает, что зло всегда ярче и запоминается глубже. Женат, имеет ребенка – девочку Катю трех лет. Жена артистка балета, работает и в «Экспромте», и в театре п/р Чихачева актрисой и педагогом по детскому танцу.